

сата, степень близости отношений между участниками коммуникативного акта. Исследование показало, что отрицательная самооценка может выражаться различными языковыми средствами, наиболее распространенным является употребление прилагательных: *Wie dumm wir sind, das Leben ist schwer genug, und wir machen es uns noch schwerer* 'Как мы глупы, жизнь достаточно тяжела, а мы делаем ее еще труднее'. В данном случае говорящий разделяет чувство вины с другими лицами. Для подчеркивания ошибки говорящий может использовать лексему *Schuld* 'вина', чем наносит ущерб своей репутации: *Es ist meine Schuld* 'Это моя вина'. Для выражения неудовлетворенности своими действиями и поступками употребляется инвективная лексика: *Ich bin der größte Dummkopf aller Zeiten* 'Я самый большой глупец всех времен'. *Ich bin ein scheußlicher Idiot* 'Я ужасный идиот'.

Средством, используемым для обозначения негативной самооценки являются также оценочные метафоры, образованные от названий животных, которым свойственна глупость и ограниченность. Эти качества переносятся на человека: *In Geldsachen bin ich nämlich ein Wildschwein* 'В денежных делах я как раз дикое животное'.

Для выражения самопорицания используются также риторические вопросы, которые негативно характеризуют говорящего: *Warum war ich fortgegangen, warum war ich nicht bei dir geblieben?* 'Почему я ушел, почему я не остался с тобой?'.

Самопорицание может выражаться средствами других речевых актов, что становится ясным из контекста: *Ich bin schrecklich, sagt sie. Ich hätte Rogger nicht betrügen dürfen* 'Я ужасна, говорит она. Я не должна была обманывать Роггера'. В данном случае самопорицание реализовывает интенцию извинения.

Для выражения самопорицания отсутствуют перформативные формулы типа «я упрекаю себя за...», что, по словам З. Вендлера, является «иллокутивным самоубийством».

Проведенное исследование позволяет отметить, что негативная самооценка показывает, с одной стороны, способность относиться к себе критически, с другой – необходимость избегать личностной лицемерной негативной самооценки. Главное, чтобы самоотрицание не превращалось в самоуничтожение, оно должно совершенствовать личность и служить ступенью в развитии личности.

У. Черепко

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Цвет изначально играл важную роль в процессах познания действительности, качественно-оценочного освоения окружающей среды, символизации и концептуализации ее значимых фрагментов. Цвет и цветоименования

входят в проблематику таких наук, как философия, психология, этнология, языкознание, а также смежных с ними дисциплин – этнолингвистики и психо-семантики. В системе цветообозначения существует ряд универсальных черт, которые не похожи ни на одну из многих других характеристик иных значений слов, не сопряженных с цветом. Кроме того, различные ассоциации, детерминируемые тем или иным оттенком, по-разному отражаются в образных выражениях, идиомах и поговорках, существующих в языке, ибо они сообщают нам о конкретике национального характера. Номинации цвета способны выступать в качестве средства передачи эмоций, душевных переживаний. Их восприятие и использование в художественном тексте в значительной степени носят субъективный характер. Например, в немецкой культуре, белый цвет – это прозрачность, простота и совершенство. Он ассоциируется у немцев с невинностью, чистотой, нежностью; традиционный цвет свадьбы (*(k)eine (blüten) weiße Weste haben* (разг.) ‘иметь незапятнанную репутацию’). В русской же культуре белый цвет несет как положительное, так и отрицательное значение. Слово *белый* в древнерусском языке означает ‘ясный, прозрачный, непорочный’. Отрицательное значение белый цвет приобрел после Октябрьской революции (деление на «белых» – чужих и «красных» – своих), оно проявлялось во взаимоотношениях народа и господствующего класса (*чернь, белая кость*); в отношении к неумело сделанному или неискусно скрытому (*шито белыми нитками*). На основе всего вышесказанного можно сделать вывод что у разных народов одни и те же цвета имеют различные значения, хотя на первый взгляд может показаться, что они схожи.

Д. Шмиголь

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ СИНТАКСЕМЫ «НАДО + ИНФИНИТИВ» НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

(на материале перевода романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)

Одним из частотных способов выражения необходимости в русском языке выступает синтаксема «надо + инфинитив». В данной работе мы обратились к анализу переводческих трансформаций данной модальной синтаксеммы в диалогической речи художественного произведения.

Наличие субъекта действия обуславливает в качестве основного переводческого эквивалента конструкцию с модальным глаголом *müssen*. При этом в оригинале синтаксема может не включать в себя субъекта действия, но он легко восстанавливается из речевого контекста, что при переводе на немецкий язык отражается в грамматической структуре конструкции: *Ego обязательно надо было застрелить // "Natürlich", antwortete Asasello, "wie sollte ich ihn nicht erschießen? Ich musste es tun"*.

Как показал анализ, при переводе высказываний с данной синтаксеммой на немецкий язык, помимо основного эквивалента, используются различные средства, входящие в функционально-семантическое поле необходимости,